

Дѣятель старой бурсы ¹⁾

(Воспоминанія свящ. Н. Бѣловольскаго).

Статья, помѣщенная въ 58 № Церковно-общественнаго Вѣстника, сообщающая приемы педагогической дѣятельности инспектора лубенскаго училища іеромонаха Поликарпа, вызвала

¹⁾ Воспоминанія эти составлены были настоятелемъ Троицкой церкви въ г. Миргородѣ, о. Николаемъ Бѣловольскимъ, скончавшимся въ мартѣ 1900 года. Личность эта въ Миргородѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ и любовью за свою доброту, рѣдкое безкорыстіе и умъ. При похоронахъ его почти всѣ присутствовавшіе плакали навзрыдъ, и это были такія искреннія слезы, какія рѣдко можно видѣть у гроба. Болѣе подробныя свѣдѣнія о покойномъ Н. Бѣловольскомъ можно почерпнуть изъ некролога его, напечатаннаго въ Полт. Губ. Вѣдом. 1900 г. № 24. Какъ видно изъ этого некролога, авторъ воспоминаній родился въ 1832 году, слѣдовательно—въ тѣ годы, которыхъ коснулись его воспоминанія (съ 1844 по 1847 г.), онъ былъ въ возрастѣ 12—16 лѣтъ и самъ обучался въ это время въ Лубенскомъ духовномъ училищѣ. Воспоминанія эти, не давая по существу ничего особенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что напечатано уже въ разное время и въ разныхъ литературныхъ формахъ для характеристики старой бурсы, однако же очень цѣнны по своей простотѣ и правди.

Томъ 86.—Іюль-августъ, 1904.

и въ моемъ воспоминаніи нѣкоторые факты, которые я уже думалъ навсегда предать забвенію; но коль скоро эта личность поставлена на сцену, то, въ виду болѣе полного и обстоятельнаго описанія этого представителя древней педагогики, считаю нелишнимъ сообщить нѣсколько фактовъ.

Если бы описать всѣ дѣянія Поликарпа за 25 лѣтъ его дѣятельности, то составились бы большіе томы, но для этого нужно много времени и труда. Я сообщу факты всего за 4 года, начиная съ 1844 года, когда Поликарпъ вторично пріѣхалъ инспекторствовать въ Лубенское училище.

Пріѣздъ его послѣдовалъ въ одинъ изъ дней, когда ученики сидѣли въ классахъ на послѣобѣденныхъ урокахъ. Во дворъ училища въѣхала громадная колымага, изъ которой вышелъ монахъ и, не заходя въ свои комнаты, прямо направился въ классы. Всѣ сейчасъ же узнали, что это инспекторъ, и всѣ задрожали, такъ какъ о его жестокостяхъ ходило много толковъ. Войдя въ классъ, Поликарпъ спросилъ у учителя объ успѣхахъ учениковъ и сказалъ нѣсколько словъ о томъ, какъ ученики должны хорошо учиться и не заниматься шалостями, а потому—заявилъ онъ откровенно—въ классѣ

вести автора, приобрѣтають свою цѣнность только тогда, когда имѣется увѣренность въ правдивости ихъ. Центральная личность въ воспоминаніяхъ—о. Поликарпъ, о жестокостяхъ котораго какъ воспитателя, были напечатаны замѣтки въ «Церковно-обществ. Вѣстн.» (? года, № 58). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ замѣтокъ и были составлены о. Н. Бѣловольскимъ его воспоминанія. Замѣтки эти лжбезно сообщены редакціи М. П. Пашенкомъ, который лично получилъ ихъ отъ автора со словами: «колы хотите, подарю ихъ вамъ на згаданія; може вы що-небудь зъ ними зробите». Приносимъ глубокую благодарность М. П. Пашенку за предоставленіе намъ возможности напечатать эту рукопись, которая содержаніемъ своимъ прибавляетъ нѣсколько яркихъ страницъ для характеристики мрачнаго прошлаго въ бурсацкой жизни, а тономъ своимъ обрисовываетъ почтенную личность автора ея.

Ред.

должны всегда быть наготовѣ въ достаточномъ количествѣ лозы. Наружный видъ Поликарпа и его послѣднія слова привели учениковъ въ трепеть. Такъ какъ наружность Поликарпа имѣла большое значеніе, вмѣстѣ съ свирѣпымъ его характеромъ, въ дѣлѣ устрашенія учениковъ, то считаю не лишнимъ прежде всего описать эту фізіономію.

Поликарпу въ это время было лѣтъ 50 съ лишнимъ. Роста невысокаго, довольно толстый; лицо круглое, 'большое и очень смуглое, усыянное мелкими черными волосами на носу, на щекахъ и между глазъ; глаза большіе, на выкатѣ, какъ бы двѣ пули, готовыя пронизать того, на кого они устремлены; борода большая, совершенно сѣдая; усы черные; лобъ большой и голова вся лысая, исключая затылка, на которомъ торчалъ маленькій хвостикъ волосъ. Клобукъ свой, который носилъ онъ въ родѣ камилавки, въ классѣ всегда снималъ, и голова его являлась совершенно голою. Голосъ имѣлъ грубый и произношеніе какое-то странное. Одинъ этотъ наружный видъ Поликарпа приводилъ всякаго ученика въ трепеть.

Посѣтивъ всѣ классы, Поликарпъ отправился въ свои покои, которые находились тутъ же, въ одномъ домѣ съ училищемъ и бурсою. (Въ бурсѣ жили казенные ученики). Не прошло, кажется, и трехъ дней, какъ Поликарпъ началъ дѣйствовать. Самъ же онъ по вечерамъ дозволилъ ученикамъ гулянье (при этомъ онъ выражался, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ, въ единственномъ числѣ: «гулай!»). Ученики играли въ разныя игры, но болѣе возрастные засидѣлись долѣе слѣдующаго и дозволили себѣ игру въ карты—разумѣется «дурачки». На несчастье Поликарпъ засталъ ихъ надъ картами, и—о ужасъ! сейчасъ же дѣлается распоряженіе о приготовленіи на завтра побольше лозъ. Воображаю ночь, проведенную этими несчастными въ ожиданіи завтрашнихъ событій. На другой день въ 8 часовъ утра ученики пришли въ классъ. Жившіе на квартирахъ ничего не знаютъ о вечернемъ случаѣ. Но приходъ въ классъ замѣтно было какое то уныніе на лицахъ учениковъ, тайный шопотъ одного съ другимъ и вообще грустное настроеніе всѣхъ. Не успѣли еще ученики передать

одинъ другому о событіи, какъ ужасный крикъ и шумъ въ сосѣдней комнатѣ привелъ всѣхъ въ трепеть,—это уже началась расправа Поликарпа съ виновными. Покопчивъ въ одномъ классѣ, онъ перешелъ въ другой. Дверь отворилась, показался грозный Поликарпъ и занимъ экзекуторъ съ нѣсколькими пучками розогъ. Послѣ немногихъ словъ нравоученія, приступлено было къ дѣлу; начались виаги, крики—и поиди литься слезы ручьями. Насколько безчеловѣчна и грозна была расправа, служить доказательствомъ то, что учитель (а учителя тоже не церемонились съ учениками на счетъ розогъ), отошедши къ окну и отворотившись въ сторону, буквально плакалъ. (Учитель этотъ недавно былъ присланъ изъ Переяслава, гдѣ обхожденіе съ учениками было гуманнѣе, что зависѣло отъ того, что ректоръ семинаріи часто посѣщалъ училище и дѣлалъ неоднократно учителямъ выговоры за строгое обращеніе съ учениками). Совершивъ эту экзекуцію, Поликарпъ отправился въ классъ для занятій, гдѣ до конца урока и еще была расправа за незнаніе заданнаго.

Я не буду передавать въ порядкѣ всѣхъ дѣйствій Поликарпа, какъ они слѣдовали одни за другими, а сообщу лишь отдѣльные, болѣе выдающіеся факты, которые сохранились въ моей памяти.

Начну съ 4-го класса, такъ какъ въ этомъ классѣ Поликарпъ преподавалъ, и потому ученики должны были каждодневно выносить его тягостное присутствіе по 2 и даже 4 часа. Это присутствіе настолько угнетало учениковъ, что сидѣвшіе на вторыхъ скамьяхъ прятались постоянно за спины своихъ товарищей, чтобы не встрѣчать этого ужаснаго взгляда. Порядокъ ежедневно былъ такой.—Ученики, не знавшіе уроковъ, сами должны были выходить къ порогу и становиться на колѣни. Входить Поликарпъ; по лицу его можно было узнавать, въ какомъ онъ расположеніи духа. По прочтеніи молитвы, Поликарпъ, посмотрѣвши на эррату, которая лежала на столѣ, и затѣмъ съ злобною улыбкой взглянувши на стоявшихъ у порога, грозно произносилъ: «дозы есть?» (слова эти произносились съ протяжностью); слѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, послѣ котораго Поликарпъ произносилъ громко

и чрезвычайно отрывисто: *сэчъ!*—и начиналась расправа. Во время ея Поликарпъ никогда не садился, а стоялъ, какъ бы считая неприличнымъ сидѣть во время этой важной церемоніи; но собственно тутъ имѣлось въ виду, чтобы надъ истязуемыми не было поблажки. Если Поликарпъ замѣчалъ такую поблажку,—что было очень рѣдко,—то и экзекуторъ получалъ по шеѣ палкою, кулакомъ или чѣмъ попало. Покончивъ съ наказаніями, Поликарпъ садился—и начинались занятія. Нельзя сказать, чтобы остальное время занятій проходило благополучно,—нѣтъ, и среди уроковъ находилось еще нѣсколько жертвъ, которыя хотя и считались знавшими урокъ, но изобрѣтательность Поликарпа находила причины виновности—и начинались новыя истязанія. Иногда приходъ Поликарпа въ классъ былъ и противоположнаго свойства: онъ являлся въ хорошемъ расположеніи духа и даже съ веселымъ лицомъ. Тутъ бывало такъ: взглянуть Поликарпъ на стоящихъ у порога и скажетъ: «жалъ! козловъ много, да охоты нѣтъ»,—и тутъ же опредѣляетъ день, въ который явится у него охота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ являлся въ классъ въ хорошемъ настроеніи духа, бывало, что за весь день никто не подвергнется опалѣ; но такіе дни бывали очень большой рѣдкостью. Суббота считалась преимущественно тяжелымъ днемъ: большею частью въ этотъ день Поликарпъ дѣлалъ усиленную расправу какъ бы для того, чтобы въ воскресенье отдохнуть. Случалось впрочемъ, что и воскресные дни не были для учениковъ днями радости и отдыха: нерѣдко въ эти святые дни разнузданность Поликарпа творила великія беззаконія. Иногда въ воскресенье послѣ обѣда билъ училищный звонокъ, и ученики должны были являться въ училище со всѣми книгами. Начинался осмотръ книгъ, и у кого книги были изорваны, испачканы, не обернуты бумагою или холстомъ, тотъ подвергался біенію. Поликарпъ тутъ вступалъ въ права отца и говорилъ: «отецъ тратится, покупаетъ книги, а ты не бережешь, разоряешь отца»,—и затѣмъ слѣдовало отрывистое «сэчъ!» Истязуемыхъ учениковъ онъ еще утѣшалъ словами: «его же люблю наказую». Однажды въ воскресенье, по обычаю собравъ звонкомъ учениковъ въ училище, По-

Поликарпъ ужасно насмѣшилъ всѣхъ: когда ученики собрались, онъ вышелъ къ нимъ и грозно закричалъ: «убирайтесь, бо охота есть—буду всѣхъ бить!»,—и ученики съ радостью разбѣжались, не подвергшись никакимъ бѣдамъ. Охота на этотъ разъ у Поликарпа была какая то не настоящая, а только воображаемая, на подобіе пресытившагося чловѣка, когда онъ съ наслажденіемъ смотритъ на вкусное блюдо, но не въ состояніи ѣсть его. И не мудрено, что Поликарпъ пресмычался истязаніемъ учениковъ до того, что у него отпадала по временамъ охота: вѣдь онъ имѣлъ право расправиться не только съ 4-мъ классомъ, но и со всѣми остальными, и не за одни только уроки, а вообще за все поведеніе учениковъ въ классѣ, въ квартирѣ и въ церкви. Журналъ всѣхъ классовъ о поведеніи учениковъ поступалъ къ нему, но онъ не сейчасъ расправлялся съ виновными, что объяснялось его нелюбовью возиться съ однимъ или съ двумя,—онъ собиралъ побольше виновныхъ, и когда являлась охота (а это чаще всего бывало во время пьянства), бралъ журналы и съ ними отправлялся по всѣмъ классамъ и намыщалъ свое звѣрство, сколько ему хотѣлось.

Другой родъ истязанія учениковъ составляли *палы*, которыя давались не линейкою, а обратнымъ, толстымъ, концемъ розги, что равнялось довольно толстой палкѣ. Передъ этимъ наказаніемъ Поликарпъ произносилъ: «дай ему въ лапу». Получать въ лапу чаще всего приходилось ученикамъ за письменныя упражненія. Къ несчастію учениковъ, Поликарпъ преподавалъ греческій языкъ, гдѣ, какъ извѣстно, легче надѣлать ошибокъ, чѣмъ въ латинскомъ. Упражненія эти писались послѣ обѣда и по окончаніи сдавались инспектору. Онъ ихъ просматривалъ дома, исправлялъ ошибки и въ концѣ тетради ставилъ число ихъ. Исправивши нѣсколько тетрадей, онъ призывалъ къ себѣ въ комнату учениковъ и, показавши каждому ошибки порознь, произносилъ: «держи лапу» и по числу ошибокъ давалъ удары въ руку. Случалось, что иной, получивши ихъ много, нѣсколько времени не могъ владѣть рукою, ибо рука распухала такъ, что онъ не могъ ни писать, ни дѣлать что-либо другое. Битье по

рукамъ часто приходилось также принимать бурсакамъ за волюшскіе орѣхи, которые въ большомъ изобиліи росли въ училищномъ саду и которые тайкомъ срывались учениками. Поликарпъ, посѣщая классы, осматривалъ руки учениковъ, и если на пальцахъ замѣтна была чернота, то кричалъ: «дай ему въ лапу»!

Для упражненій Поликарпъ выдумывалъ иногда довольно мудренныя вещи. Разъ онъ задалъ перевести на греческій языкъ слѣдующія слова: «соборище смоковницу Христось еврейское, плодовъ чуждую духовныхъ вообразуй, клятвою усупаешь, ея же бѣжимъ страсти». Говорить нечего, что ни одинъ ученикъ не уразумѣлъ настоящаго смысла этихъ словъ и не сдѣлалъ правильной разстановки, а Поликарпъ не объяснилъ и, разумѣется, душевно былъ радъ, что у каждаго ученика нашлись ошибки, и ему представился пріятный случай «давать ученикамъ въ лапу». Для истязанія учениковъ Поликарпъ придумывалъ невѣроятныя вещи, и ни одинъ ученикъ, идя въ классъ и зная прекрасно урокъ, не могъ быть увѣреннымъ, что онъ возвратится домой благополучно, не подвергшись какому-нибудь варварству. Однажды Поликарпъ, вызвавши къ столу ученика, спросилъ его, сколько буквъ въ греческомъ алфавитѣ, и по числу буквъ велѣлъ ученикамъ наловить мухъ. Пойманныя мухи умерщвлялись и клались на столъ. Затѣмъ онъ велѣлъ отрывать мухамъ—одной крыльце, другой ножку и т. д.—и класть ихъ на столъ подъ рядъ, называя каждую именемъ греческой буквы—отъ альфы до омеги; потомъ по этимъ мухамъ, какъ бы по книгѣ, велѣлъ ученикамъ прочитатъ азбуку. Послѣ этого, смѣшавши всѣхъ мухъ вмѣстѣ, онъ заставляетъ ученика отыскать такую то букву, другую и т. д. Разумѣется, такихъ мудрецовъ не было еще на свѣтѣ, которые могли бы угадывать эту безтолковую азбуку, и ученикъ послѣ каждаго опыта, слышалъ только: «брешешь»! и подвергался заушеніямъ, побоямъ и разнаго рода ругательствамъ. А ругался Поликарпъ въ классѣ самыми неприличными площадными словами, особенно во время расправы.

Во время упражненій играла роль старая греческая грамматика, бывшая пособіемъ къ учебнику, но имѣвшаяся не у всѣхъ

учениковъ. Посмотрѣвши въ тетрадку какого-нибудь ученика и нашедши у него ошибку, Поликарпъ велитъ ему сдѣлать справку по этой грамматикѣ. Ученикъ на бѣду свою не взялъ въ классъ этой книги. Ревностный педагогъ дѣлаетъ наставленіе: «то твоя маты; ты всегда долженъ посѣть ии зъ собою и спать изъ нею», — и сейчасъ же велитъ наказъ ученика, а затѣмъ подвергались сѣченію и всѣ тѣ ученики, у которыхъ эта книга имѣлась, но не была на этотъ разъ принесена въ классъ.

Иногда бывали и такія сцены. Влетитъ въ классъ въ растворенное окно воробей; Поликарпъ поднимаетъ ученика побольше ростомъ и велитъ ловить воробья. Ученикъ бѣгаетъ по скамьямъ и ловить, но поймать не можетъ, а Поликарпъ кричитъ, «ловы, ловы,—а то выбью». Если ученики и избѣгали въ такомъ случаѣ наказанія, то только потому, что Поликарпъ былъ въ хорошемъ настроеніи и не являлась у него въ это время «охота».

Однажды разрѣшилъ онъ бурсакамъ гулять; но черезъ нѣсколько времени выйдя изъ комнаты и вѣроятно въ хмелю забывши о своемъ разрѣшеніи, встрѣчаетъ одного бурсака безъ книги и накидывается на него: «чому ты не учишься? воздухъ миряешь? витеръ гонимъ? собакъ бьешь?» Ученикъ отвѣчаетъ: я все знаю (т. е. уроки на завтрашній день).—«А, ты все знаешь!—рычитъ. Поликарпъ:—а сколько звиздъ на небѣ?—Ученикъ, конечно, молчитъ. Поликарпъ притягиваетъ ученика къ себѣ и, указывая пальцемъ на звѣзду, спрашиваетъ: «бачышь оту звизду? а онъ-ту?» Ученикъ отвѣчаетъ: «вижу».—А зними мени ии сюды!—Послѣ этого тащить за собою беззащитное, невинное дитя, ставить посреди комнаты и, созвавши всѣхъ учениковъ, провозглашаетъ: «винъ есть обманщикъ, брехунъ; его надо наказъ!»—и велитъ каждому подходить и бить его со всего розмаху по щекѣ. Замѣтивъ, что кто-нибудь легко ударилъ, Поликарпъ приказывалъ тому становиться позади мучимой жертвы, и тотъ также получалъ отъ cadaго пощечину. Ученикъ долго не могъ выдержать этой казни и послѣ цѣлаго ряда пощечинъ, обомлѣвъ, упалъ.

Даже тѣ рѣдкія минуты, въ которыя отъ Поликарпа отходилъ духъ злобы, когда онъ пребывалъ въ хорошемъ расположеніи и

хотѣлъ оказать дѣтямъ милость и благоволеніе, какъ любящій отецъ,—и тѣ, говорю, немногія минуты не обходились безъ біенія и слезъ. Вотъ примѣръ. Послѣ каникулъ ученики съ билетами являлись къ инспектору, и каждый при этомъ приносилъ маленькій подарокъ: булку, арбузъ, плоды разные. Припопленій этихъ собиралось много, и Поликарпъ иногда угощалъ ими бурсаковъ. Однажды голодные бурсаки съ неописаннымъ восторгомъ насыщались въ комнатѣ Поликарпа, въ его присутствіи, арбузами, фруктами и булками; все было благополучно: со стороны посматрѣвши, можно было сказать: «се отецъ и дѣти его». Но духъ злобы и тутъ помѣшалъ. Къ послѣднему кусочку арбуза ученикъ протягиваетъ руку! Поликарпъ кричитъ: «стой!»—и велитъ раздѣлить этотъ кусочекъ на всѣхъ учениковъ по равной части. Ученикъ беретъ ножъ и рѣжетъ, а Поликарпъ стоитъ подлѣ ученика и послѣ каждой отрѣзанной части приговариваетъ: «брешешь, не такъ»—и даетъ пощечину. Въ концѣ концовъ ученикъ, ни за что ни про что весь избитый, обливается слезами.

Игры Поликарпъ устраивалъ не ради развлеченія учениковъ, а для собственнаго удовольствія. Однажды устроилъ онъ такую игру: велѣлъ ученикамъ среди двора становиться въ кругъ; у каждаго ученика долженъ быть такъ называемый *житъ*. Выбѣгалъ изъ круга ученикъ и, ударивши по плечамъ своего сосѣда, бѣжалъ кругомъ; сосѣдъ бѣжалъ за нимъ, ударивъ своего сосѣда, и билъ бѣгущаго; слѣдующій выбѣгалъ и билъ этого и т. д. Такимъ образомъ весь кругъ обращался въ бѣгающихъ и бьющихъ, другъ друга по плечамъ. Доходило до того, что многіе изнемогали отъ бѣганія и сильныхъ ударовъ и со слезами на глазахъ падали на землю, а Поликарпъ на крыльцѣ любовался этою картиною и велѣлъ игру продолжать подолѣе.

Теперь розскажу дѣянія Поликарпа болѣе грознаго свойства, когда виновные выводились на позоръ и, какъ на эшафотъ, подвергались публичному поруганію. Возрастный ученикъ замѣченъ въ какомъ-то проступкѣ, который въ глазахъ Поликарпа показался настолько важнымъ, что онъ не рѣшился учинить расправу самъ, а распорядился письменнымъ отношеніемъ вызвать неме-

дленно въ училище отца виновнаго ученика. Отецъ явился. Предложено одно изъ двухъ: или наказать сына публично, или исключить. Отецъ, уstraшенный грознымъ инспекторомъ, принимаетъ первое рѣшеніе и отдаетъ своего сына на позоръ. Получивъ согласіе отца, Поликарпъ съ сіяющимъ лицомъ приступаетъ къ исполненію заранѣ придуманной имъ казни. Въ минуту дѣлается распоряженіе, чтобы всѣ ученики выходили изъ классовъ на училищный дворъ. Ученики вышли и шеренгою, образовавши большой полукругъ, стали отъ одного крыльца до другого. На крыльцѣ, довольно высокомъ, ступеней въ шесть, стоятъ Поликарпъ и отецъ виновнаго; передъ крыльцомъ—виновный и около него экзекуторъ, около котораго на землѣ лежитъ нѣсколько пучковъ розокъ, а одинъ пучокъ въ рукахъ. Училищный звонокъ во все это время звонитъ медленно и какъ то уныло. Продолжительное молчаніе... Наконецъ Поликарпъ, похоловши по крыльцу, становится на край его и читаетъ виновному нравоученіе, послѣ котораго произносить грозное, отрывистое: «сэчь!» Виновный принимаетъ соотвѣтственную позу. Опять молчаніе... Затѣмъ Поликарпъ произноситъ еще нѣсколько словъ нравоученія и оканчиваетъ словами: «дай ему пять!» Черезъ нѣсколько секундъ повторяетъ: «дай ему шість!»; еще черезъ нѣсколько секундъ—«дай ему чотыри!» и т. д. Такъ эта трагедія продолжалась уже около часу, и неизвѣстно, какъ долго она еще протянулась-бы, если бы сторонніе люди не помѣшали. Улица, идущая мимо училища, наполнилась множествомъ зрителей, и изъ толпы, прорвавъ ученическіе ряды, вбѣжала на крыльцо женщина и, павши на колѣни, просила прекратить истязаніе ученика и затѣмъ прибавила: «якъ вамъ не грихъ, якъ не стыдно мучыть такъ дитей!». Поликарпъ устыдился и прекратилъ истязаніе. Вѣщій звонъ замолкъ. Облитый кровью и слезами ученикъ едва поднялся съ своего мученическаго ложа. Такъ закончилась эта ужасная сцена, наведшая на учениковъ трепеть, а на гражданъ произведшая ужасающее впечатлѣніе.

Одинъ ученикъ, уstraшившись грозныхъ училищныхъ порядковъ, бѣжалъ домой. По доставленіи его обратно въ училище,

принята была слѣдующая исправительная мѣра. Всѣ ученики были разставлены въ длину училищнаго двора въ два ряда; виновный былъ раздѣтъ до-нага; на шею его былъ навѣшенъ большой листъ бумаги съ надписью большими буквами: «бѣглець», и въ такомъ видѣ онъ водимъ былъ долгое время взадъ и впередъ.

Одного ученика Поликарпъ хотѣлъ даже прогнать сквозь строй. Съ вечера отдано было приказаніе, чтобы на завтра каждый ученикъ принесъ сырую палочку толщиною въ палецъ. На другой день всѣ ученики пришли въ классъ съ палочками и съ трепетомъ ожидали, что будетъ. Но Поликарпъ, къ утру протрезвившись, раздумалъ, п. ч. убоился привести въ исполненіе задуманное имъ наказаніе.

А вотъ еще образчикъ его истязаній. Однажды приказалъ онъ нарвать крапивы и, простлавши ее на своемъ крыльцѣ и раздѣвши до-нага одного ученика, положилъ его на крапиву да еще крапивою-же и прикрылъ.

Бывали случаи и келейнаго сѣченія,—но что на нихъ происходило, неизвѣстно. Одинъ смѣльчакъ, рискнувшій проникнуть въ эту закулисную сцену, смотрѣлъ въ щелку двери и рассказывалъ другимъ, что онъ видѣлъ слѣдующее: Поликарпъ, послѣ сѣченія, избитыя части тѣла поливалъ водою,—это, вѣроятно, для затягиванія ранъ, а можетъ быть—и для увеличенія боли. Случались и такія безобразія, что Поликарпъ, въ видѣ наказанія, заставлялъ ученика выпить большую чашку воды, или-же съѣсть корень хрѣну. Одинъ ученикъ проживалъ у смотрителя, котораго Поликарпъ знать не хотѣлъ и ненавидѣлъ, а вслѣдствіе ненависти къ смотрителю, изливалъ ярость свою на ученика. Ученикъ этотъ иногда приходилъ въ бурсу брать себѣ кушанье. Однажды онъ приходитъ съ горшечкомъ въ столовую бурсы, чтобы получить себѣ бурсацкихъ сластей, и въ это время застаётъ въ столовой Поликарпа. Пьяный Поликарпъ, какъ тигръ, бросается на несчастную жертву и сначала кричитъ: «смотритель краде казну и ты прійшовъ красть!», а затѣмъ велитъ ученику пролазить подъ столомъ, за которымъ по обѣ стороны сидѣли ученики, а ученикамъ приказываетъ толкать несчастнаго ногами по чемъ по-

мало, и дитя выливалось изъ-подъ стола избитое и окровавленное. Но это еще не конецъ бѣдамъ. Злобный Поликарпъ еще кипитъ яростію: онъ беретъ измученное дитя и держитъ одною рукою, а въ другую набираетъ горячей жидкой каши и начинаетъ мазать утюжкомъ по лицу, приговаривая грубымъ своимъ голосомъ протяжно «сійся-родыся, сійся-родыся!» Дитя въ мукахъ кричитъ и не можетъ вырваться, а звѣрообразный мучитель еще не насыщается и кричитъ: «подать лозь!» Но несчастный въ суматохѣ какъ-то вырвался и успѣлъ таки убѣжать. Вотъ какъ дорого достался пищенскій бурсацкій обѣдъ бѣдному мальчику!

И всѣ молчали; никто не доносилъ о подобныхъ ужасахъ; никто не укрощалъ этого звѣря!

Однажды ученики отпущены были всѣ вмѣстѣ на рѣку для купанья. Смотрѣть за порядкомъ назначено нѣсколько учениковъ старшихъ. Ученики выкупались благополучно и отправились по домамъ. Во время купанья случилось такое обстоятельство. — Одинъ ученикъ, не умѣвшій плавать, попросилъ другого, побольше возрастомъ, пронести его немаго на глубину, а онъ будетъ пробовать плыть оттуда самъ. Старшій ученикъ пронесъ его на глубину и пустилъ на воду, но тутъ-же и поддерживалъ его, чтобы тотъ не захлебнулся. Обстоятельство, какъ видите, самое ничтожное, на которое никто не обратилъ и вниманія. На другой день ученики приходятъ въ классъ и узнаютъ о готовящейся грозѣ. Дѣло въ томъ, что какой-то шпионъ изъ бурсаковъ донесъ Поликарпу, что такой-то ученикъ чуть не утопилъ другого, такъ-что едва вытянули его живымъ. Еще съ вѣчера былъ отданъ приказъ приготовить побольше лозъ. Ученики, какъ громомъ пораженные этою вѣстью, сидятъ ни живы ни мертвы. Отворяется дверь, и показывается Поликарпъ, грозный и страшный; за нимъ постоянный его спутникъ съ множествомъ пучковъ розогъ. Тутъ произошло великое сѣченіе, отъ котораго, кажется, и стѣны содрогались. Поликарпъ заявилъ, что вчера на купаньи случилось ужасное происшествіе и ему никто не донесъ изъ тѣхъ, которые назначены были смотрѣть за порядкомъ, — поэтому всѣ они будутъ наказаны. Началось съ того, который, будто-бы, топилъ ученика.

Оправданія никакого... Эта грозная казнь продолжалась больше часу; классъ наполнился стенами, криками и слезами, а подъ буквально былъ заброшенъ отбитыми концами прутьевъ. Удивительно, гдѣ Поликарпъ бралъ такое количество розогъ! Говорили, впрочемъ, что онъ имѣлъ спеціального поставщика. Говорили также, что розги заблаговременно вымачивались въ водѣ съ солью и затѣмъ хранились въ сыромъ подвалѣ.

Не смотря на всѣ эти варварства, а можетъ быть именно благодаря имъ, между учениками было порядочное количество плохо учившихся, а шалости и проступки проявлялись довольно серьезнаго свойства.

Разъ, напримѣръ, ученики старшаго возраста, напившись пьяными, ходили по кладбищу и вырвали съ могиль нѣсколько крестовъ. Къ счастью для виновныхъ, этотъ проступокъ какъ-то не дошелъ до ушей Поликарпа; а узнай онъ объ этомъ, то виновные, вѣрно, были-бы распяты на крестѣ.

А вотъ еще случай. Во время экзаменовъ нѣсколько учениковъ, тоже изъ старшихъ, вздумали однажды устроить кашу гдѣ-нибудь въ мѣсу. Для этого предположено было, что каждый у своихъ хозяевъ достанетъ, тайно или явно, провизіи: курей, пшена сала и пр. Все это совершалось ночью. Мѣстомъ склада до вечера другого дня назначенъ чердакъ училищнаго дома, гдѣ нѣкоторые бурсаки мѣтомъ спали. Приступлепо къ дѣлу—и каждый со своей провизіей направился на чердакъ. Къ несчастію, живая провизія испортила все дѣло: принесенныя куры подняли крикъ, который былъ услышанъ плохо спавшимъ, или совсѣмъ еще неспавшимъ, Поликарпомъ. Въ минуту Поликарпъ очутился на чердакѣ—и виновные накрыты на мѣстѣ преступленія. Въ темнотѣ нѣсколько квартирныхъ учениковъ бѣжало домой, но это ихъ не спасло, т. к. захваченные на мѣстѣ открыли и остальныхъ. На другой день въ училищѣ суета, суматоха страшная,—Поликарпъ производить строжайшее слѣдствіе, которое увѣичалось для него полнымъ успѣхомъ: виновные открыты и всѣ сознались. Одинъ изъ участниковъ былъ родственникомъ городского доктора. Доктору послано отъ смотрителя и инспектора письмо: затѣмъ ви-

дѣли, какъ однажды вечеромъ смотритель и инспекторъ пріѣзжали къ доктору и пробыли тамъ долго. Результатъ этого визита—виновныхъ не исключать, а наказать. Но Поликарпъ не прямо приступилъ къ наказанію, а придумалъ какой-то курьезный процессъ. Приказано было, чтобы виновные написали отъ себя и подписали слѣдующую бумагу: «18...года мы нижеподписавшіеся такіе-то, сознавая себя виновными въ томъ-то и томъ-то, налагаемъ сами на себя наказаніе и обязываемся принять по столько-то розогъ». Въ первый разъ было написано что-то немного ударовъ, но Поликарпъ, возвративъ, заставилъ вновь переписать и прибавилъ число ударовъ. Такъ возвращалъ онъ нѣсколько разъ, пока количество ударовъ не возросло, кажется, до 70 на каждого виновнаго. Тогда Поликарпъ принялъ бумагу и спряталъ у себя. Экзамены продолжались своимъ чередомъ,—наказаніе не приводилось въ исполненіе. Наконецъ экзамены окончены; назначенъ публичный актъ. Актъ вышелъ на славу,—небывалый въ училищныхъ лѣтописяхъ! На актѣ присутствовали: смотритель, всѣ наставники, дѣкаторыя постороннія лица, и не мало было отцовъ, пріѣхавшихъ за дѣтьми. Актъ приходитъ къ концу. Поликарпъ отправляется въ свои покои и черезъ нѣсколько минутъ является выпивши и съ веселымъ лицомъ. Принявши торжественную позу, онъ заявляетъ, что виновныхъ нужно публично наказать, и при этомъ громогласно читаетъ пресловутую бумагу, силою вынужденную у бѣдныхъ жертвъ. По прочтеніи бумаги, началась казнь—и казнь ужаснѣйшая. При первыхъ-же крикахъ и вопляхъ, посторонніе убѣжали изъ стѣнъ училища, чтобъ не видѣть раздрающія душу сцены, а Поликарпъ наслаждался до конца. Вотъ какія награды раздавалъ Поликарпъ на актахъ!

Еще одинъ эпизодъ. Въ началѣ послѣдней трети, передъ переводомъ въ семинарію, приходитъ Поликарпъ въ классъ, совершенно спокойный и какъ будто расположенный къ ученикамъ, и говоритъ совершенно серьезно: «ну, теперь вольному воля, спасенному рай! Кто хочъ—учись, кто хочъ—не вчись, бытъся не будемъ!» Вотъ тутъ ученики вздохнули свободно и обрадовались сердечно. Но радость была напрасна: не прошло и трехъ дней,

какъ Поликарпъ принялся по-прежнему наказывать учениковъ за что ни попало, и такъ продолжалъ вплоть до самаго экзамена. Только послѣ экзамена, который произведенъ былъ инспекторомъ семинаріи, Поликарпъ, встрѣчая ученика, злобно и язвительно говорилъ: «ты вже теперъ панъ,—тебе быть не можно».

Было и еще много безобразій различнаго свойства, но ихъ всѣхъ нельзя и припомнить. Я разсказалъ факты, совершенные Поликарпомъ только въ одномъ училищѣ и всего только за четыре года. А сколько ихъ было еще въ Полтавскомъ училищѣ и вообще за все время Поликарпового правленія!

Такъ стонало училище многіе годы подъ деспотическимъ гнетомъ этого грознаго мучителя. Сколько бѣдныхъ, невинныхъ дѣтей искалѣчено нравственно и физически! Сколько здѣсь вылилось слезъ и изречено проклятій на самое училище! Не было, кажется, дня, чтобы въ этомъ домѣ, называемомъ храмомъ науки, не раздавались вопли и стоны. Не было, кажется, ни одного проѣзжаго и прохожаго мимо училища, слухъ котораго не поражался-бы раздрающимъ душу крикомъ, исходящимъ изъ стѣнъ этого мрачнаго дома. И Поликарпу никто ни слова! Высшее начальство ничего не дѣлало,—быть можетъ, оно и не знало ничего. Отцы молчали, боясь возвысить голосъ, и никому не заявляли о варварскихъ порядкахъ училища. Только полное сумасшествіе Поликарпа, дошедшее до вѣпанія ученика, положило конецъ его безумнымъ варварствамъ. Преосвященный Іеремія, любившій отечески дѣтей, получивъ донесеніе о варварскихъ поступкахъ Поликарпа, изгналъ навсегда этого мучителя и даровалъ миръ училищу.

Тяжело вспоминать подобные грустные факты, но утѣшаешься тѣмъ, что эта бурса съ ея ужасами навсегда погребена и никогда не воскреснетъ.
